

Хунар Хасан

**Преступление
геноцида. Монография**

«Проспект»

Хасан Х. А.

Преступление геноцида. Монография / Х. А. Хасан —
«Прспект»,

ISBN 978-5-39-219966-2

Работа посвящена исследованию вопросов ответственности за преступление геноцида в международном уголовном праве и уголовном праве отдельных государств. Особое внимание уделено практике применения норм об ответственности за преступление геноцида, совершенное руководством бывшей правящей партии БААС, возглавляемой Саддамом Хусейном, в Республике Ирак в ходе военной кампании «Аль-Анфаль» (1988 г.). В работе доказывается факт совершения преступления геноцида в отношении религиозной группы езидов Ирака со стороны международной террористической организации «Исламское государство» (2014 г.). Однако если совершение преступления геноцида в ходе кампании «Аль-Анфаль» подтверждено приговором Высшего Иракского Уголовного Трибунала, то геноцид езидов должен еще стать предметом рассмотрения в национальных судах Ирака и Международного уголовного суда. Законодательство приведено по состоянию на июнь 2015 г. Для студентов, аспирантов, преподавателей юридических вузов и факультетов, а также всех тех, кто интересуется вопросами борьбы против терроризма и геноцида.

ISBN 978-5-39-219966-2

© Хасан Х. А.

© Прспект

Содержание

Введение	6
Глава 1	12
§ 1. Преступление геноцида в международном уголовном законодательстве и практике международных трибуналов	12
§ 2. Преступление геноцида в уголовном праве отдельных государств	32
Конец ознакомительного фрагмента.	33

С. М. Кочои, Х. А. Хасан
Преступление геноцида
Монография

**Под редакцией доктора юридических
наук, профессора С. М. Кочои**

[битая ссылка] ebooks@prospekt.org

Введение

Преступления против мира и безопасности человечества занимают особое место в системе преступлений, предусмотренных как международным, так и национальным уголовным правом. Неслучайно одно из них – геноцид – считается «преступлением преступлений».

Массовые убийства людей по национальному, религиозному или расовому признаку были распространенным явлением в истории человечества. Однако только в XX в. человечество решило противостоять уничтожению людей по указанным признакам. Учеными было сформулировано понятие преступления, суть которого составляют действия, преследующие цель уничтожения групп населения по национальному, расовому или религиозному признаку. Наибольший вклад в разработку понятия данного преступления внес польский ученый еврейского происхождения, будущий американский прокурор на Нюрнбергском процессе Р. Лемкин. Именно он в 1944 г. дал название этому преступлению – геноцид, соединив греческое слово *genos* (раса, племя) и латинское слово *cide* (убийство). Однако даже через 2 года, в 1946 г., в документах Нюрнбергского трибунала этого термина не было (хотя преступление, которому дали название геноцид, безусловно, имело место), поскольку не было самого легального определения преступления геноцида.

В конце 1946 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла резолюцию, указав, что «геноцид означает отказ в признании права на существование целых человеческих групп подобно тому, как человекоубийство означает отказ в признании права на жизнь отдельных человеческих существ». Через 2 года, 9 декабря 1948 г., Генеральная Ассамблея ООН резолюцией 260 (III) приняла Конвенцию о предупреждении преступления геноцида и наказании за него (далее – Конвенция 1948 г.), в которой геноцид был определен как преступление, нарушающее нормы международного права и противоречащее духу и целям Организации Объединенных Наций. Конвенция вступила в силу в 1951 г., и она, поскольку относится к международному обычному праву, является обязательной для всех государств.

Однако ни принятие Конвенции, ни ее вступление в силу, к сожалению, не смогли в последующем предотвратить совершение преступлений, направленных против национальных, расовых и религиозных групп. И только в 1990-е гг. государства, прежде всего наиболее влиятельные, смогли объединить свои усилия по противодействию преступлению геноцида. Итогом их совместной работы стало создание законодательства, в соответствии с которым были учреждены Международный уголовный суд ООН (далее – МУС) и международные специальные трибуналы по расследованию и рассмотрению данного преступления, а также наказанию виновных в его совершении. Особенно интересной, с точки зрения исследования и обобщения, представляется практика применения уголовно-правовых норм о геноциде в деятельности специальных уголовных трибуналов – Международного трибунала по бывшей Югославии (далее – МТБЮ), Международного трибунала по Руанде (далее – МТР) и Чрезвычайных палат в судах Камбоджи (далее – ЧПСК).

Преступление геноцида в последние годы стало предметом рассмотрения не только в международных специальных трибуналах, но также в национальных судах. К государствам, в национальных судах которых рассматривались дела о данном преступлении, относится Республика Ирак¹.

10 декабря 2003 г. для рассмотрения дел о преступлениях против человечности, совершенных режимом партии Арабского социалистического возрождения («Баас») С. Хусейна, был учрежден Иракский уголовный суд по преступлениям против человечности, или Иракский специальный трибунал (ИСТ). В 2005 г. Иракский специальный трибунал был переименован в Высший иракский уголовный трибунал (ВИУТ), деятельность которого осуществляется на основании норм международного и национального права, содержащихся в следующих актах:

- Конвенция о геноциде 1948 г.;
- Статут о Высшем иракском уголовном трибунале (Закон № 10 от 2005 г.);
- Уголовный кодекс Ирака (Закон № 111 от 1969 г.);
- Уголовно-процессуальный кодекс Ирака (Закон № 23 от 1971 г.).

Принятая в 2005 г. всенародным голосованием Конституция Ирака в ст. 134 гарантирует, что ВИУТ будет осуществлять свою деятельность до завершения своей миссии и может быть распущен только на основании решения Парламента Ирака. Данное законодательство, как и решения ВИУТ о его применении, представляют значительный теоретический и практический интерес, однако они еще не стали предметом монографического исследования в российской уголовно-правовой науке.

В целом в российской уголовно-правовой науке нормы Конвенции 1948 г. становились предметом исследований неоднократно. Однако до сих пор остаются дискуссионными вопросы о соотношении этих норм и норм национального уголовного законодательства, об особенностях ответственности за геноцид в уголовном праве отдельных государств, о возможности совершенствования ответственности за геноцид в нормах национального уголовного законодательства и т. д.

Изложенное свидетельствует о необходимости проведения комплексного анализа как самого уголовного законодательства (международного и национального) о преступлении геноцида, так и практики международных специальных трибуналов и Высшего иракского уголовного трибунала по его применению. При этом иракским ученым важно использовать научный опыт российских коллег в области исследования проблем ответственности за преступление геноцида.

Монографических работ, специально посвященных исследованию теоретических и практических аспектов уголовной ответственности за преступление геноцида, в современной российской науке немного. В частности, защищены диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук «Уголовная ответственность за геноцид» (В. М. Варганян, 2000 г.) и «Уголовно-правовая характеристика геноцида» (Е. Д. Панкратова, 2010 г.). Эти работы преимущественно освещают состав геноцида, предусмотренный ст. 357 Уголовного кодекса Российской Федерации, вопросы отграничения геноцида от других преступлений и перспективы изменения редакции ст. 357 УК РФ. Общим их недостатком является то обстоятельство, что ни одно из этих исследований не базируется на материалах конкретных уголовных дел о геноциде.

Вопросы ответственности за преступление геноцида в разной степени освещались в трудах таких советских и российских ученых, как В. В. Аванесян, М. Н. Андрюхин, Г. И. Богуш, Л. В. Иногамова-Хегай, И. И. Карпец, А. Г. Кибальник, С. М. Кочои, И. И. Лукашук, А. С. Мартиросян, А. В. Наумов, В. П. Панов, П. С. Ромашкин, И. Г. Соломоненко, А. Н. Трайнин, Е. Н. Трикоз и др.

Достаточно много диссертационных исследований по вопросам ответственности за преступление геноцида проводится в зарубежных университетах и научных центрах. Наиболее известными учеными, внесшими значительный вклад в разработку данной проблемы, являются Анри Доннедье де Вабр (Henri Donnedieu de Vabres), Ария Нейер (Aryeh Neier), Бассиони Шериф (Bassiouni M. Cherif), Бен Кернан (Ben Kiernan), Веспасиан Пелла (Vespasian V. Pella), Ив Тернон (Yves Ternon), Израел Черни (Israel W. Charney), Майкл Келли (Michael J. Kelly), Раул Хилберг (Raul Hilberg), Рафаэль Лемкин (Raphael Lemkin), Роберт Желлетли (Robert Gellately), Саймон Визентал (Simon Wiesenthal), Уильям Шабас (William A. Schabas), Эрвин Стоуб (Ervin Staub) и др.

В Ираке, который ратифицировал Конвенцию о геноциде в 1959 г., специальных монографических работ, посвященных проблемам ответственности за преступление геноцида, нет. Причем если в самом Ираке интерес к этим проблемам в науке возник лишь после свержения режима С. Хусейна, то на Западе в связи с доказанными фактами совершения этим режи-

мом преступлений против мира и безопасности человечества вопросы квалификации таких преступлений и наказания за их совершение неоднократно становились объектом серьезных исследований. В частности, различные аспекты ответственности за преступление геноцида, совершенного в Ираке, исследовались такими учеными, как Блэк Джордж (Black George), Брюс Монтгомери (Bruce P. Montgomery), Дарко Войинович (Darko Vojinovic), Джеффри Голдберг (Jeffrey Goldberg), Джон Вебб (John Webb), Йост Хильтерманн (Joost Hiltermann), Мартин ван Бруинессен (Martin van Bruinessen), Николас Патлер (Nicholas Patler) и др.

Следует отметить также публикации по данной проблеме иракских ученых: Арифа Курбани, Джамала Мирза Азеза, Зухейра Казима Абуда, Маруфа Гула, Мохаммеда Хусейна Ахмеда Бапира, Мухаммада Рашида Хасана, Хавала Хилана, Шахавана Шореша, Шахразада Моджаба, Фатиха Мухаммада Сулеймана и др.

В целом следует признать, что вопросы ответственности за преступление геноцида, совершенного в отдельных государствах, до сих пор не получили должного освещения в российской уголовно-правовой науке. Примечательно, что почти никто из российских специалистов, так или иначе занимающийся вопросами ответственности за преступления против мира и безопасности человечества, в том числе за геноцид (за исключением профессора С. М. Кочои), не приводит в качестве примера общеизвестные факты совершения таких преступлений в Ираке. Поэтому настоящая работа является первой в России попыткой изучения на монографическом уровне современного уголовного законодательства о геноциде во взаимосвязи с его применением в практике специальных трибуналов, прежде всего Высшего иракского уголовного трибунала.

Нормативной базой исследования выступают Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании 1948 г., Римский статут Международного уголовного суда, Устав Международного трибунала по бывшей Югославии, Устав Международного трибунала по Руанде, Закон об учреждении Чрезвычайных палат в судах Камбоджи, соответствующие резолюции Генеральной Ассамблеи и Совета безопасности ООН, Уголовный кодекс Российской Федерации, Конституция Республики Ирак, Уголовный кодекс Республики Ирак, Статут Высшего иракского уголовного трибунала, уголовное законодательство ряда других государств об ответственности за геноцид и др.

Теоретической основой исследования служат труды российских, иракских (арабских и курдских), западноевропейских, американских и других иностранных ученых и специалистов по вопросам ответственности за преступление геноцида.

Эмпирической базой исследования являются решения Международного трибунала по бывшей Югославии, Международного трибунала по Руанде, Чрезвычайных палат в судах Камбоджи, Высшего иракского уголовного трибунала, Европейского суда по правам человека, вынесенные по вопросам ответственности и наказания за совершение преступления геноцида.

Научная новизна исследования заключается в том, что хотя в российской уголовно-правовой науке проблемы ответственности за преступление геноцида ранее уже рассматривались, однако в настоящей работе впервые на монографическом уровне проведено исследование законодательства о геноциде и практики его применения специальными международными и национальными трибуналами и судами, в том числе Высшим иракским уголовным трибуналом. Работа содержит подробный анализ международного и внутреннего уголовного законодательства отдельных государств о преступлении геноцида. Особое внимание уделено исследованию проблем уголовного законодательства Республики Ирак, а также анализу практики применения законодательства о преступлении геноцида в деятельности ВИУТ. Результаты проведенной работы позволили разработать предложения о совершенствовании уголовного законодательства Республики Ирак в части ответственности за совершение преступления геноцида.

Основные положения и выводы проведенного исследования заключаются в следующем.

1. Конвенция 1948 г. дает исчерпывающее определение преступления геноцида. Критику определения данного преступления в науке как неоправданно «узкого» (в особенности из-за не включения в него «культурного геноцида» и геноцида политических групп – «политицида») следует признать малоубедительной. Вопреки имеющимся мнениям, необходимости в расширении его понятия, предлагаемого Конвенцией 1948 г., сейчас нет. В целом проблемой следует считать расширение не понятия преступления геноцида, а понятия преступлений против человечности.

2. Проблема отсутствия единообразной квалификации преступления геноцида следует из расширительного его определения в уголовном законодательстве отдельных государств. Заслуживающей поддержки представляется позиция тех государств, которые текстуально (полностью) воспроизводят определение преступления геноцида, содержащееся в Конвенции 1948 г. Такой способ имплементации имеет принципиальное значение для обеспечения соответствия национальных и международных уголовно-правовых норм о геноциде. Данное обстоятельство позволяет вносить предложение о выборе именно указанного способа для имплементации международно-правовых норм, посвященных преступлению геноцида, в уголовное законодательство Республики Ирак.

3. Уголовная ответственность за геноцид в национальном законодательстве ряда государств является дифференцированной. Такой подход представляется необходимым, в особенности когда речь идет о разделении ответственности за геноцид, заключающийся в убийстве, и геноцид, не связанный непосредственно с убийством. Иракскому законодателю рекомендуется учитывать зарубежный законодательный опыт и установить повышенную ответственность за преступление геноцида в форме убийства члена соответствующей национальной, этнической, расовой или религиозной группы.

4. Исследованные диссертантом материалы позволяют сделать вывод о том, что в действиях ряда бывших лидеров Ирака в отношении курдского этнического меньшинства имеются все признаки (элементы) преступления геноцида, предусмотренные Конвенцией 1948 г. и Римским статутом Международного уголовного суда. При этом главное отличие преступления геноцида, совершенного в Ираке, заключается в том, что при его совершении впервые в истории было использовано оружие массового поражения – запрещенное международным правом химическое оружие.

5. Для решения проблем уголовной ответственности за преступление геноцида в Ираке создано уникальное «гибридное» законодательство, включающее нормы Конвенции 1948 г. и иракского национального законодательства (Багдадский УК, УК Республики Ирак и другие законы). Недостатком данного законодательства следует считать то обстоятельство, что в нем оказались наряду с нормами о преступлении геноцида нормы об общеуголовных преступлениях, не представляющих собой грубое нарушение прав человека и международного гуманитарного права. Кроме того, в названном законодательстве отсутствуют нормы о некоторых преступлениях против человечества и военных преступлениях.

6. Практика применения норм «гибридного» законодательства Высшим иракским уголовным трибуналом в целом заслуживает поддержки. Недостатком же следует считать то обстоятельство, что юрисдикция трибунала не распространяется на иностранных граждан, принимавших участие в преступлении геноцида, совершенном на территории Ирака. Кроме того, несмотря на масштабы совершенного преступления, приговоры об осуждении были вынесены в отношении лишь нескольких лиц; по непонятным причинам наказание в отношении части осужденных не было приведено в исполнение; не было принято решение об объявлении преступными организаций, принимавших участие в геноциде (хотя УК Ирака предусматривает уголовную ответственность юридических лиц), и т. д.

7. В Ираке наказание в виде смертной казни было отменено в 2003 г., но в связи с захлестнувшей страну волной террористических актов оно было восстановлено в 2004 г. Обосновы-

ваются правомерность введения его для лиц, виновных в совершении преступления геноцида в форме убийства, главным образом из-за уязвимости религиозных меньшинств Ирака (христиан и езидов) перед лицом атак «джихадистов», поставивших своей целью уничтожение или изгнание немусульманского (несуннитского) населения и создание «халифата» – «Исламского государства»².

8. В настоящее время в Ираке действует один УК – федеральный. Власти федерального района Курдистан (далее – ФРК), субъекта Иракской Федерации, имеют конституционное право разработать и принять Уголовный кодекс, тем более что на территории Курдистана действует своя Конституция и собственный Закон о борьбе с терроризмом (№ 3 от 4 апреля 2006 г.), предусматривающий возможность назначения смертной казни за отдельные террористические преступления. Такой УК должен стать самостоятельным источником уголовного права в Ираке. Вместе с тем уголовная ответственность за преступление геноцида с целью исключения проблем с ее пониманием и применением должна быть предусмотрена только в федеральном УК Республики Ирак.

9. Республика Ирак ратифицировала Конвенцию 1948 г. еще в 1959 г., однако самостоятельная ответственность за преступление геноцида в ее законодательстве до сих пор не установлена. Современный Ирак нуждается в принятии нового Уголовного кодекса, в котором должна быть разрешена также проблема уголовной ответственности за преступление геноцида. Мы предлагаем такую редакцию статьи о геноциде:

«Преступление геноцида

1. Следующие действия, совершаемые с намерением уничтожить, полностью или частично, какую-либо национальную, этническую, расовую или религиозную группу как такую:

а) причинение серьезных телесных повреждений или умственного расстройства членам такой группы;

б) преднамеренное создание для какой-либо группы таких жизненных условий, которые рассчитаны на полное или частичное физическое уничтожение ее;

в) меры, рассчитанные на предотвращение деторождения в среде такой группы;

г) насильственная передача детей из одной человеческой группы в другую, – наказываются пожизненным лишением свободы.

2. Совершаемое с намерением уничтожить, полностью или частично, какую-либо национальную, этническую, расовую или религиозную группу как таковую, убийство, – наказывается пожизненным лишением свободы или смертной казнью.

Примечание

Наказуемы также:

– заговор с целью совершения преступления геноцида;

– прямое и публичное подстрекательство к совершению преступления геноцида;

– покушение на совершение преступления геноцида;

– соучастие в преступлении геноцида».

Теоретическая и практическая значимость работы заключается в том, что она представляет собой первую монографическую работу, посвященную проблемам уголовной ответственности за преступление геноцида в современном международном и национальном праве, прежде всего Республики Ирак.

Выводы и предложения, содержащиеся в работе, могут быть использованы для совершенствования правовых основ борьбы с преступлением геноцида, в частности в процессе работы над новым проектом Уголовного кодекса Республики Ирак в части регламентации ответственности за совершение преступления геноцида и наказания за него.

Результаты проведенного исследования вносят определенный вклад в систему научных знаний об уголовном праве Республики Ирак, характеристике преступления геноцида, совер-

шенного бывшими руководителями Ирака. Полученные результаты могут быть положены в основу дальнейших научных исследований проблем ответственности за совершение преступления геноцида.

Теоретические положения и выводы, содержащиеся в настоящем исследовании, могут быть применены при составлении рабочих программ, учебных пособий и учебников, в процессе проведения учебных занятий по курсу «уголовное право» по теме «Преступления против мира и безопасности человечества» и спецкурсам «уголовное право зарубежных государств» и «международное уголовное право».

Практическая значимость работы определяется изложенными в ней выводами, способствующими эффективному применению уголовного законодательства о преступлении геноцида.

Глава 1

Преступление геноцида в международном и национальном уголовном праве

§ 1. Преступление геноцида в международном уголовном законодательстве и практике международных трибуналов

Термин «геноцид» введен в оборот польским и американским юристом еврейского происхождения Р. Лемкиным в 1944 г., который для этого использовал греческое слово *genos* (раса, племя) и латинское слово *cide* (убийство). Данный термин он предложил с целью квалификации варварских действий нацистской Германии в отношении евреев³.

В книге «Правление государств “оси” в оккупированной Европе» (1944 г.) Р. Лемкин писал: «Под “геноцидом” мы подразумеваем уничтожение нации или этнической группы... Геноцид направлен против национальной группы как целого, и предпринимаемые действия обращены против людей не как отдельных личностей, а именно как членов национальной группы»⁴. Однако, по его мнению, геноцид может проявляться не только в физическом, но «и в культурном уничтожении»⁵. «В целом, – писал Р. Лемкин, – геноцид не обязательно означает моментальное уничтожение нации... Он, скорее, предполагает координированный план действий, направленный на разрушение основ существования национальных групп с целью искоренения самих этих групп. Составные части такого плана – уничтожение политических и общественных институтов, культуры, языка, национального самосознания, религии, экономических основ существования национальных групп, а также лишение личной безопасности, свободы, здоровья, достоинства и самих жизней людей, принадлежащих к этим группам»⁶. Характерно, что еще в октябре 1933 г. на Пятой (Мадридской) конференции по унификации международного уголовного права Р. Лемкин предложил дополнить преступления против права народов (лат.: *delicta juris gentium*) рядом деяний, в частности «актами варварства» и «актами вандализма». К первым он относил действия, направленные на уничтожение «этнических, религиозных или социальных групп», независимо от мотивов (политических, религиозных и т. д.), а ко вторым – «систематическое и организованное уничтожение художественного и культурного наследия, в котором выражается уникальный дух и достижения группы».

В Уставе учрежденного Лондонским соглашением Международного военного трибунала для привлечения к ответственности и наказания главных военных преступников стран «оси» в Европе (август 1945 г.) еще ничего не говорилось о геноциде⁷. Согласно ст. 6 Устава, к юрисдикции трибунала относились следующие преступления против человечности: «убийства, истребление, порабощение, ссылка и другие жестокости, совершенные в отношении гражданского населения до или во время войны, или преследования по политическим, расовым или религиозным мотивам в целях осуществления или в связи с любым преступлением, подлежащим юрисдикции Трибунала, независимо от того, являлись ли эти действия нарушением внутреннего права страны, где они были совершены, или нет»⁸. В приговоре Нюрнбергского трибунала (сентябрь – октябрь 1946 г.) также ничего не было сказано о геноциде, однако признается факт организованного и целенаправленного массового истребления расовых и национальных групп⁹.

11 декабря 1946 г. Генеральная Ассамблея Организации Объединенных Наций приняла на 1-й сессии резолюцию, заявив следующее: «Геноцид означает отказ в признании права

на существование целых человеческих групп подобно тому, как человекоубийство означает отказ в признании права на жизнь отдельных человеческих существ; такой отказ в признании права на существование оскорбляет человеческую совесть, влечет большие потери для человечества, которое лишается культурных и прочих ценностей, представляемых этими человеческими группами, и противоречит нравственному закону, духу и целям Объединенных Наций»¹⁰. Данная резолюция, следует признать, отличалась от проекта резолюции, предложенной рядом государств (Кубой, Панамой и Индией). Указанный проект преследовал цели объявления геноцида преступлением, которое может быть совершено не только в военное время, но и в мирное время, а также, что особенно важно, распространения в отношении геноцида универсальной юрисдикции. Принятая же резолюция эти вопросы не освещала.

На этой же сессии Генеральная Ассамблея предложила Экономическому и социальному совету ООН «заняться необходимым изучением вопроса для составления проекта конвенции по вопросу о преступлениях геноцида, подлежащего представлению на следующей очередной сессии Генеральной Ассамблеи».

5 апреля 1948 г. вновь созданный Комитет по разработке международной конвенции по борьбе с геноцидом начал рассмотрение проекта конвенции, подготовленного генеральным секретарем ООН. Данный проект не был поддержан делегацией СССР по нескольким причинам.

Во-первых, объектом геноцида, помимо расовых и национальных групп, проект называл «политические группы»¹¹. Советская делегация, с одной стороны, справедливо исходила из того, что включение последней противоречит природе термина «геноцид». С другой же стороны, в СССР понимали, что имевшие место репрессии против «классовых врагов пролетариата» вполне можно было считать геноцидом «политических групп».

Во-вторых, проект предлагал создание международного трибунала по делам о геноциде, который, по мнению советской делегации, стал бы «надгосударственным» органом. «В современной международной обстановке, – писал А. Н. Трайнин, – когда реакционные империалистические силы пытаются подавить суверенную волю и самостоятельную политику народов, подобный международный трибунал мог бы быть использован как орудие реакции»¹² (особенно резкой была реакция на ст. VII проекта конвенции, согласно которой стороны обязуются наказывать всякого нарушителя этой конвенции «в пределах любой территории, находящейся под их юрисдикцией, вне зависимости от гражданства этого нарушителя или места, где нарушение было совершено»).

На следующий день, 6 апреля 1948 г., советская делегация внесла на рассмотрение комитета свой проект конвенции о геноциде, который характеризовался следующим.

Во-первых, геноцидом предлагалось считать не только «физическое уничтожение групп населения по расовым, национальным (религиозным) мотивам», но также умышленное создание таких условий жизни, которые направлены на уничтожение указанных групп.

Во-вторых, предлагалось считать геноцидом также «национально-культурный геноцид» (такой вид геноцида выделялся наряду с двумя другими его видами – «физическим» и «биологическим»: первый имел в виду случаи физического уничтожения людей, а второй – случаи борьбы против деторождения, запрещения браков, стерилизацию и т. п.). Согласно предложению советской делегации, в понятие геноцида должны быть включены «также мероприятия и действия, направленные против пользования национальным языком, или мероприятия и действия против национальной культуры (так называемый национально-культурный геноцид), как то:

а) запрещение или ограничение пользования национальным языком как в общественной, так и в частной жизни; запрещение преподавания в школах на национальных языках;

б) уничтожение или запрещение печатания и распространения книг и иных печатных изданий на национальных языках;

с) уничтожение исторических или религиозных памятников, музеев, документов, библиотек и других памятников и предметов национальной культуры (или религиозного культа)»¹³.

В-третьих, предлагалось установить ответственность за пропаганду геноцида, приготовление к геноциду и соучастие в его совершении.

В-четвертых, предлагалось включить в национальное законодательство государств нормы, предусматривающие уголовную ответственность за «действия геноцида».

В-пятых, государства, подписавшие конвенцию, обязаны были распустить организации, цель которых – «разжигание расовой, национальной и религиозной вражды и совершение преступлений геноцида».

В-шестых, составной частью предложений советской делегации было установление подсудности дел о геноциде исключительно национальным судам.

При рассмотрении в декабре 1948 г. проекта конвенции о геноциде некоторые принципиально важные предложения советской делегации нашли поддержку у членов ООН (полностью поддержали их делегации БССР, УССР, Польши и Чехословакии). Однако отдельные предложения делегации СССР большинством государств (в первую очередь западных) были отвергнуты. Это касалось положений о «национально-культурном геноциде», установлении ответственности за пропаганду геноцида и возложении на государства, подписавшие конвенцию, обязанности распустить фашистские, расистские и нацистские организации, разжигающие расовую, национальную и религиозную вражду.

При обсуждении проекта конвенции были отвергнуты и другие предложения, в частности о наказуемости (в качестве отдельного объективного элемента геноцида) применения мер, «направленных на принуждение членов какой-либо группы покинуть свои дома, с тем, чтобы избежать возникающей в противном случае угрозы жестокого обращения». По мнению крупнейшего исследователя современных проблем геноцида профессора Национального университета Ирландии У. А. Шабаса, таким образом из сферы определения геноцида были исключены «этнические чистки»¹⁴. Разработчики проекта не поддержали и другое важное предложение – об универсальной подсудности преступления геноцида.

9 декабря 1948 г. Генеральная Ассамблея ООН резолюцией 260 (III) приняла *Конвенцию о предупреждении преступления геноцида и наказании за него*. В ней геноцид был определен как преступление, нарушающее нормы международного права и противоречащее духу и целям Организации Объединенных Наций. С целью избавления человечества от этого «отвратительного бедствия», указала Генеральная Ассамблея, необходимо международное сотрудничество.

Статья I Конвенции не только признала геноцид преступлением («независимо от того, совершается ли он в мирное или военное время»), но также обязала государства, ее подписавшие, «принимать меры предупреждения и карать за его совершение».

Статья II Конвенции предложила под геноцидом понимать «следующие действия, совершаемые с намерением уничтожить, полностью или частично, какую-либо национальную, этническую, расовую или религиозную группу как таковую:

а) убийство членов такой группы;

б) причинение серьезных телесных повреждений или умственного расстройства членам такой группы;

с) преднамеренное создание для какой-либо группы таких жизненных условий, которые рассчитаны на полное или частичное физическое уничтожение ее;

д) меры, рассчитанные на предотвращение деторождения в среде такой группы;

е) насильственная передача детей из одной человеческой группы в другую».

Статья III Конвенции объявила наказуемыми следующие деяния:

- а) геноцид;
- б) заговор с целью совершения геноцида;
- с) прямое и публичное подстрекательство к совершению геноцида;
- д) покушение на совершение геноцида;
- е) соучастие в геноциде.

Субъектами ответственности за геноцид Конвенция признала любых лиц независимо от того, «являются ли они ответственными по конституции правительствами, должностными или частными лицами» (ст. IV).

Для введения в силу положений Конвенции договаривающиеся стороны были обязаны «провести необходимое законодательство, каждая в соответствии со своей конституционной процедурой, и, в частности, предусмотреть эффективные меры наказания» лиц, виновных в совершении геноцида или других упомянутых в ст. III Конвенции преступлений (ст. V).

Лица, обвиняемые в совершении геноцида или других перечисленных в Конвенции деяний, «должны быть судимы компетентным судом того государства, на территории которого было совершено это деяние, или таким международным уголовным судом, который может иметь юрисдикцию в отношении сторон настоящей Конвенции, признавших юрисдикцию такого суда» (ст. VI).

В отношении виновных лиц геноцид и другие перечисленные в Конвенции деяния «не рассматриваются как политические преступления» (ст. VII).

Каждый участник Конвенции может обратиться к соответствующему органу ООН с требованием принять, в соответствии с положениями Устава ООН, «все необходимые, по его мнению, меры в целях предупреждения и пресечения актов геноцида» (ст. VIII). При этом споры между сторонами по вопросам толкования, применения или выполнения Конвенции (включая споры относительно «ответственности того или другого государства за совершение геноцида» или одного из других перечисленных в ст. III Конвенции деяний) передаются на рассмотрение Международного суда по требованию любой из сторон в споре (ст. IX) ¹⁵.

Любая из сторон, подписавшая Конвенцию, может в любое время путем извещения на имя генерального секретаря ООН распространить применение настоящей Конвенции «на все или некоторые территории, за ведение внешних отношений которых она ответственна» (ст. XII) ¹⁶.

Конвенция вступила в силу 12 января 1951 г., а к концу 2013 г., к 65-й годовщине принятия Конвенции, более 140 государств состояли ее участниками ¹⁷. Однако поскольку Конвенция относится к международному обычному праву, она является обязательной для всех государств ¹⁸.

В литературе утверждается, что определение геноцида, данное в Конвенции 1948 г., «необоснованно сужено и потому лишено возможности своего практического применения» ¹⁹. По этому вопросу вполне определенно высказался профессор А. У. Шабас, чье мнение мы полностью разделяем. «Конвенция, – пишет он, – подвергалась значительной критике в силу ограниченности своей сферы применения. Это скорее объяснялось разочарованием вследствие недостаточной сферы применения международного права в случаях массовых злодеяний. Как показывает история, эта проблема будет решаться не путем расширения определения геноцида или внесения поправок в Конвенцию, а скорее путем развития тесно связанной с этим понятием концепции преступлений против человечности. Следовательно, преступление геноцида стоит особняком и занимает особое место “преступления преступлений”» ²⁰.

В действительности же сама Конвенция 1948 г. вовсе не лишена возможности «своего практического применения». Последующие события (конфликты в бывшей Югославии, Руанде и т. д.), приведшие к рассмотрению дел по обвинению конкретных лиц в совершении преступления геноцида и их наказанию, подтверждают это. Проблема уголовной ответственности за

геноцид состояла в излишней ее политизированности со стороны раздираемых противоречиями в годы «холодной войны» крупнейших держав мира. Неслучайно, как только эти противоречия были смягчены (в конце XX в.), появились первые обвиняемые в совершении преступления геноцида и осужденные за него.

В дальнейшем при разработке проектов ряда важных международных документов использовалась дефиниция преступления геноцида, предложенная именно Конвенцией 1948 г. Изъятие из нее было сделано только при разработке проекта Кодекса преступлений против мира.

В 1954 г. Комиссией международного права ООН по поручению Генеральной Ассамблеи ООН был разработан *проект Кодекса преступлений против мира и безопасности человечества*. К преступлениям против мира и безопасности человечества были отнесены, в частности, «действия властей какого-либо государства или частных лиц, совершаемые с намерением уничтожить, полностью или частично, какую-либо национальную, этническую, расовую или религиозную группу как таковую, включая:

I) убийства членов такой группы;

II) причинение тяжких телесных повреждений или умственного расстройства членам такой группы;

III) предумышленное создание для такой группы жизненных условий, которые рассчитаны на полное или частичное физическое уничтожение ее;

IV) принятие мер, рассчитанных на предупреждение деторождения в среде такой группы;

V) насильственную передачу детей из такой группы в другую группу»²¹.

Проект Кодекса 1954 г. хотя и не содержал названия данного преступления (по сути представляющего собой геноцид), но перечислял его возможных субъектов – власти государств или частные лица.

4 декабря 1954 г. Генеральная Ассамблея ООН постановила «отложить дальнейшее рассмотрение» проекта из-за отсутствия в нем определения понятия «агрессия». Однако в 1981 г. Генеральная Ассамблея ООН предложила Комиссии по международному праву возобновить прерванную в декабре 1954 г. работу и разработать проект Кодекса преступлений против мира и безопасности человечества. В представленном в 1996 г. Комиссией проекте прямо говорилось о том, что к преступлениям против мира и безопасности человечества относится также преступление геноцида. Согласно ст. 17 проекта, «преступлением геноцида является любое из перечисленных ниже деяний, совершаемых с намерением уничтожить, полностью или частично, какую-либо национальную, этническую, расовую или религиозную группу как таковую, включая:

a) убийства членов такой группы;

b) причинение тяжких телесных повреждений или умственного расстройства членам такой группы;

c) предумышленное создание для такой группы жизненных условий, которые рассчитаны на ее полное или частичное физическое уничтожение;

d) принятие мер, рассчитанных на предупреждение деторождения в среде такой группы;

e) насильственную передачу детей из такой группы в другую группу».

Таким образом, по сравнению с проектом 1954 г., в проекте 1996 г. исчезло положение о том, что геноцид может быть совершен «властями какого-либо государства».

Определение преступления геноцида имеется также в уставах трибуналов (судов), к юрисдикции которых международное право относит рассмотрение дел о преступлении геноцида. При этом в *Римском статуте Международного уголовного суда* (1998 г.) содержится норма (ст. 9) об «элементах преступлений», которые «помогают Суду в толковании и применении» статьи о геноциде.

Элементы преступлений касаются «поведения, последствий и обстоятельств, связанных с каждым преступлением»²². Согласно документам МУС, речь идет о следующих «элементах» геноцида.

(а) Элементы геноцида «посредством убийства»:

1. Исполнитель убил²³ одно или нескольких лиц.
2. Такое лицо или лица принадлежали к конкретной национальной, этнической, расовой или религиозной группе.
3. Исполнитель имел умысел уничтожить, полностью или частично, эту национальную, этническую, расовую или религиозную группу как таковую.
4. Это деяние имело место в контексте²⁴ явной²⁵ линии аналогичного поведения, направленного против этой группы, или являлось поведением, которое само по себе могло привести к такому уничтожению.

(b) Элементы геноцида «посредством причинения серьезных телесных повреждений или умственного расстройства»:

1. Исполнитель причинил серьезные телесные повреждения или умственное расстройство одному или нескольким лицам²⁶.
2. Такое лицо или лица принадлежали к конкретной национальной, этнической, расовой или религиозной группе.
3. Исполнитель имел умысел уничтожить, полностью или частично, эту национальную, этническую, расовую или религиозную группу как таковую.
4. Это деяние имело место в контексте явной линии аналогичного поведения, направленного против этой группы, или являлось поведением, которое само по себе могло привести к такому уничтожению.

(c) Элементы геноцида «посредством умышленного создания таких жизненных условий, которые рассчитаны на полное или частичное физическое уничтожение»:

1. Исполнитель создал определенные жизненные условия для одного или нескольких лиц.
2. Такое лицо или лица принадлежали к конкретной национальной, этнической, расовой или религиозной группе.
3. Исполнитель имел умысел уничтожить, полностью или частично, эту национальную, этническую, расовую или религиозную группу как таковую.
4. Жизненные условия были рассчитаны на полное или частичное физическое уничтожение такой группы²⁷.
5. Это деяние имело место в контексте явной линии аналогичного поведения, направленного против этой группы, или являлось поведением, которое само по себе могло привести к такому уничтожению.

(d) Элементы геноцида «посредством принятия мер, рассчитанных на предотвращение деторождения»:

1. Исполнитель принял определенные меры в отношении одного или нескольких человек.
2. Такое лицо или лица принадлежали к конкретной национальной, этнической, расовой или религиозной группе.
3. Исполнитель имел умысел уничтожить, полностью или частично, эту национальную, этническую, расовую или религиозную группу как таковую.
4. Принятые меры были рассчитаны на предотвращение деторождения в рамках этой группы.
5. Это деяние имело место в контексте явной линии аналогичного поведения, направленного против этой группы, или являлось поведением, которое само по себе могло привести к такому уничтожению.

(e) Элементы геноцида «посредством насильственной передачи детей»:

1. Исполнитель осуществил насильственную передачу одного или нескольких человек²⁸.
2. Такое лицо или лица принадлежали к конкретной национальной, этнической, расовой или религиозной группе.
3. Исполнитель имел умысел уничтожить, полностью или частично, эту национальную, этническую, расовую или религиозную группу как таковую.
4. Передача была осуществлена из одной человеческой группы в другую.
5. Такое лицо или лица были младше 18 лет.
6. Исполнитель знал или должен был знать, что это лицо или лица были младше 18 лет.
7. Это деяние имело место в контексте явной линии аналогичного поведения, направленного против этой группы, или являлось поведением, которое само по себе могло привести к такому уничтожению.

Последний элемент геноцида, требующий наличие контекста «явной линии поведения» при совершении убийства и тому подобных действий, в литературе именуется «контекстуальным». По мнению Г. И. Богуша, этот элемент в целом сужает определение геноцида и вызывает споры в науке: одни его разделяют, другие – нет²⁹. Так, основываясь на этом элементе, МУС в 2009 г. исключил из обвинений, предъявленных Президенту Судана Омару Аль-Баширу, «преступление всех преступлений» – геноцид³⁰.

По нашему мнению, «контекстуальный» элемент не просто сужает определение геноцида, а делает его «узнаваемым», помогает отграничивать геноцид от сходных преступлений. Поэтому его следует считать необходимым элементом преступления геноцида.

В структуру элементов геноцида входит также субъективная сторона. Согласно ст. 30 (ч. 1) Римского статута МУС, лицо подлежит уголовной ответственности и наказанию за преступление, подпадающее под юрисдикцию суда, только в том случае, «если по признакам, характеризующим объективную сторону, оно совершено намеренно и сознательно», т. е. умышленно. При этом считается, что лицо «имеет намерение» в тех случаях, когда:

- а) в отношении деяния оно «собирается совершить» такое деяние;
- б) в отношении последствия это лицо «собирается причинить это последствие или сознает, что оно наступит при обычном ходе событий» (ч. 2 ст. 3 °Статута МУС).

Что касается термина «сознательно», то он означает «с осознанием того, что обстоятельство существует или что последствие наступит при обычном ходе событий» (ч. 3 ст. 3 °Статута МУС).

О том, что преступление геноцида может быть совершено только с умыслом, свидетельствуют также вышеприведенные элементы геноцида, один из которых, напомним, сформулирован следующим образом: «Исполнитель имел умысел уничтожить, полностью или частично, эту национальную, этническую, расовую или религиозную группу как таковую». Кстати, комментируя данный элемент геноцида, американский профессор Ш. М. Бассиони пишет: «Таким образом, человек должен спросить, если ли логика в такой юридической схеме, по которой преднамеренное убийство одного человека может быть геноцидом, а убийство миллионов людей без намерения уничтожить защищенную группу в целом или в части не является международным преступлением? Тем не менее такова нынешняя ситуация»³¹.

Представляется, что никакого противоречия в вышеприведенной формуле нет. Конвенция 1948 г. охраняет (в том числе от посягательства на жизнь) соответствующую группу населения в целом, поэтому убийство даже одного члена такой группы можно и нужно квалифицировать как геноцид (при наличии всех других его элементов).

МУС не обладает юрисдикцией в отношении лица, не достигшего 18-летнего возраста на момент предполагаемого совершения преступления (ст. 26 Римского статута).

Таким образом, для того чтобы действие было квалифицировано как преступление геноцида, необходимо установление следующих его признаков:

а) группа населения, идентифицированная как национальная, этническая, расовая или религиозная группа;

б) действия (убийство и др.), перечисленные в Конвенции 1948 г. (ст. II), в отношении вышеназванной группы населения;

в) намерение уничтожить (полностью или частично) вышеназванную группу;

г) физическое лицо, достигшее 18 лет на момент совершения преступления геноцида.

Принявшие в 1948 г. Конвенцию государства признали, что «на протяжении всей истории геноцид приносил большие потери человечеству». Данное обстоятельство дает повод отдельным исследователям подводить под определение преступления геноцида факты уничтожения групп населения, имевших место не только до принятия Конвенции, но и появления самого термина «геноцид». Например, в российской литературе утверждается, что «первые геноцидом как преступлением против человечества было признано массовое истребление армянского населения по приказу властей Османской Турции»³², в США ряд авторов утверждает, что «геноцида, подобного индейскому, не было в человеческой истории», называя его историческим примером «неслыханного геноцида, сопоставимого с Холокостом»³³, и т. д.

Также распространенным явлением стало объявление политики того или иного государства по отношению к отдельным народам геноцидом – как правило, на основании заявлений законодательных органов власти (парламентов). С одной стороны, такую практику можно поддерживать, ибо она свидетельствует о бдительности мирового сообщества, готовности осуждать и, может быть, даже предупреждать уничтожение определенных групп населения. С другой стороны, признавать те или иные действия (бездействие) преступлением геноцидом, в конечном счете, следует только на основании решений судебных органов – национальных либо международных. В противном случае виновниками в геноциде и жертвами от геноцида можно будет объявлять кого угодно³⁴. Все это может привести к тому, о чем предупреждал И. Тернон: «Слишком широкое употребление слова таит в себе угрозу, что оно станет обыденным, а слишком узкое – что оно утратит... предупреждающий смысл»³⁵.

По образному выражению известного социолога г. Кельмана, геноцид есть «санкционированное массовое убийство»³⁶. Действительно, геноцид без санкции государств невозможен. В связи с изложенным возникает *вопрос о том, является ли государство субъектом преступления геноцида или не*. В науке вопрос об ответственности государств за геноцид вызывает споры. Так, У. Шабас считает, что «государство могут, в сущности, совершать геноцид», но для того, чтобы государство было бы ответственно за геноцид, необходимо, чтобы государственные лидеры были вовлечены в него³⁷.

Напомним, что Конвенция 1948 г. наряду с ответственностью физических лиц (ст. IV) говорит об «ответственности того или другого государства за совершение геноцида» (ст. IX). Так, по делу «Босния и Герцеговина против бывшей Югославии (Сербии и Черногории)» Международный уголовный суд в решении от 26 февраля 2007 г. установил, что «Сербия не несет прямой ответственности за геноцид во время Боснийской войны 1992–1995 гг. Тем не менее, он указал, что Сербия нарушила свое позитивное обязательство по предотвращению геноцида в соответствии с Конвенцией о предупреждении преступления геноцида и наказании за него в связи с неприятием всех возможных мер для прекращения геноцида, имевшего место в Сребренице в июле 1995 г., и уклонением от выдачи Радко Младича, обвиняемого в геноциде и причастности к геноциду, Международному уголовному трибуналу по бывшей Югославии»³⁸.

В другом случае Европейский суд по правам человека признал неприемлемой жалобу о возложении ответственности за геноцид в Сребренице на ООН и Нидерланды³⁹. Европейский суд сослался на то, что Международный суд ООН в своих решениях исходит из суверенного иммунитета иностранных государств – Юрисдикционные иммунитеты государства (Германия

против Италии: участие Греции) (Jurisdictional Immunities of the State (Germany v. Italy: Greece intervening) от 3 февраля 2012 г. По мнению Европейского суда, это касается также иммунитета, которым пользуется ООН. Соответственно, иммунитет, защищающий ООН и Нидерланды от ответственности за международные преступления (в данном случае за геноцид), не может быть снят⁴⁰.

Международную практику, исключающей признание государства субъектом преступления геноцида, следует признать все-таки правомерной, поскольку само определение данного преступления предусматривает наличие такого признака, как «намерение уничтожить полностью или частично» охраняемые Конвенцией 1948 г. группы населения. Данный признак может быть установлен в поведении только индивидов, что, впрочем, как свидетельствует дело Босния и Герцеговина против бывшей Югославии (Сербии и Черногории), не исключает ответственности государств за невыполнение своих обязательств (по предотвращению преступления геноцида).

Как подчеркивается в ряде документах ООН, «геноцид в действительности является преднамеренной стратегией, которая в большинстве случаев применяется правительствами или группами, контролирующими государственный аппарат. Само государство, призванное защищать своих граждан, начинает их уничтожать, и потенциальным жертвам негде искать защиты, кроме как за его пределами»⁴¹. Вот почему ответственность за предупреждение и пресечение преступления геноцида возлагается именно на государство, в котором оно совершается.

В принятом резолюцией 60/1 Генеральной Ассамблеи ООН *Итогово документе Всемирного саммита 2005 г* главы государств и правительств единогласно подтвердили, что «каждое государство обязано защищать свое население от геноцида, военных преступлений, этнических чисток и преступлений против человечности. Эта обязанность влечет за собой необходимость предотвращения таких преступлений, в том числе подстрекательств к ним, путем принятия соответствующих и необходимых мер» (п. 138)⁴². Они постановили, что международное сообщество должно в соответствующих случаях оказывать государствам помощь в расширении их возможностей по защите населения до начала кризисов и конфликтов. При этом главы государств и правительств подтвердили, что, если то или иное государство «явно окажется не в состоянии» защитить свое население от четырех указанных преступлений, международное сообщество готово предпринять коллективные действия через Совет Безопасности и в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций (п. 139)⁴³. В свете решений, содержащихся в п. 138 и 139 Итогового документа, генеральный секретарь ООН своим письмом от 31 августа 2007 г. уведомил Совет Безопасности о назначении специального советника по вопросу об обязанности защищать, который будет руководить разработкой теоретических, политических, организационных и оперативных аспектов концепции ответственности по защите.

В Итоговом документе Всемирного саммита 2005 г. предусмотрены (а в докладе генерального секретаря ООН по реализации ответственности по защите 2009 г. – окончательно сформулированы) три основных аспекта концепции обязанности защищать.

1. Каждое государство обязано защищать свое население от геноцида, военных преступлений, этнических чисток и преступлений против человечности. Эта обязанность влечет за собой необходимость предотвращения таких преступлений, в том числе подстрекательств к ним, путем принятия соответствующих и необходимых мер.

2. Международное сообщество должно принять соответствующие меры для того, чтобы содействовать и помогать государствам в выполнении этой обязанности, и должно поддерживать усилия ООН.

3. Международное сообщество обязано также использовать соответствующие дипломатические, гуманитарные и другие мирные средства для того, чтобы содействовать защите насе-

ления от этих преступлений. Международное сообщество должно предпринять коллективные действия в соответствии с Уставом, если национальные органы власти явно не в состоянии защитить свое население.

Таким образом, в новой концепции обязанности защищать закреплен принцип «суверенитета как ответственности». Это означает, что суверенитет более не обеспечивает исключительную защиту государства от иностранного вмешательства. Суверенитет является также ответственностью государств за благополучие своего народа. И хотя государства не являются субъектом преступления геноцида, они ответственны за недопущение такого преступления. В этой связи особого внимания заслуживает национальное уголовное законодательство государств об ответственности за совершение преступления геноцида. Как само установление подобной ответственности, так и практическое применение (в случае необходимости) соответствующих уголовно-правовых норм являются важным фактором при оценке деятельности государств по предотвращению и недопущению преступления геноцида.

Как уже было показано, ст. VI и IX Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него 1948 г. была установлена тройная подсудность дел о преступлении геноцида. Указанные дела подсудны:

- национальным судам;
- международному уголовному суду (который может иметь юрисдикцию в отношении сторон Конвенции, признавших юрисдикцию такого суда);
- Международному суду.

По нашему мнению, Европейский суд по правам человека (ЕСПЧ), куда обращаются лица, оспаривающие решения национальных судов, можно считать еще одним судом, правомочным рассматривать дела о геноциде.

Кроме того, события последних десятилетий вынудили мировое сообщество создать еще один вид судов, не предусмотренных Конвенцией 1948 г., которым подсудны дела о геноциде. Речь идет о специальных международных трибуналах по бывшей Югославии (далее – МТБЮ) и Руанде (далее – МТР).

Прежде чем рассмотреть вопрос о судах, правомочных рассматривать дела о геноциде, следует сделать небольшой исторический экскурс. В 1948 г. резолюция Генеральной Ассамблеи ООН, которой была принята Конвенция о геноциде, предложила Комиссии международного права «рассмотреть вопрос о желательности и возможности создания международного юридического органа, на который возлагается рассмотрение дел лиц, обвиняемых в совершении преступления геноцида...» Данный вопрос был рассмотрен, и Генеральная Ассамблея получила ответ, что создание такого суда является и возможным, и желательным. Однако работа по созданию Международного уголовного суда (далее – МУС) в 1954 г. была приостановлена до определения мировым сообществом понятия «агрессия». Между тем в 1993 г. на территории бывшей Югославии разразился острый межэтнический и межконфессиональный конфликт, в ходе которого были совершены многочисленные военные преступления, преступления против человечности и геноцид. Для рассмотрения дел об этих преступлениях Совет Безопасности ООН учредил специальный Международный трибунал по бывшей Югославии. Данное обстоятельство потребовало ускорить работу по созданию специализированного суда по делам о вышеперечисленных преступлениях.

В 1994 г. Комиссией международного права был подготовлен проект Статута о МУС. Для завершения разработки и принятия конвенции об учреждении международного уголовного суда в 1998 г. в Риме была проведена дипломатическая конференция под эгидой ООН. На ней представители 120 государств – членов ООН приняли Римский статут, ставший юридической основой для учреждения постоянного Международного уголовного суда. Римский статут вступил в силу 1 июля 2002 г., после того как его ратифицировали 60 государств⁴⁴, а в 2005 г. МУС приступил к практической работе. Его местопребывание – город Гаага (Нидерланды).

Каждый из вышеназванных видов подсудности в случае с преступлением геноцида имеет свои преимущества и недостатки. Например, в чем заключается недостаток рассмотрения такого преступления в национальных судах? Как показывают события последнего времени, национальные суды во время конфликтов (внутренних или внешних) часто либо не готовы, либо не способны действовать, как правило, по одной из двух причин:

– у государств отсутствует политическая воля осуществлять судебное преследование своих собственных граждан и тем более высокопоставленных должностных лиц (как это имело место в случае с бывшей Югославией) ⁴⁵;

– судебная система фактически парализована (как это было в случае с Руандой).

Международный суд (далее – МС) является главным судебным органом ООН. Он был учрежден Уставом ООН в 1946 г. для достижения одной из главных целей ООН: «проводить мирными средствами, в согласии с принципами справедливости и международного права, улаживание или разрешение международных споров или ситуаций, которые могут привести к нарушению мира». Согласно Статуту о Международном суде (ст. 34), сторонами по делам, разбираемым в нем, являются только государства. Между тем формально субъектами преступления геноцида называются физические лица: «правители», «должностные или частные лица» (ст. IV Конвенции 1948 г.) ⁴⁶.

В связи с вышеизложенным возникает вопрос: могут ли стать недостающим и необходимым звеном в международной уголовной юстиции специальные трибуналы? Полагаем, что не всегда. Во-первых, создание таких трибуналов будет вызывать вопрос о существовании «выборочного правосудия» (например, почему не был создан такой трибунал по Ираку?). Во-вторых, специальные трибуналы связаны временем или территорией (например, тысячи беженцев, спасавшихся от этнического конфликта в Руанде, были убиты после 1994 г., тогда как мандат трибунала по Руанде ограничивается событиями, происшедшими только в 1994 г.; юрисдикция трибунала по бывшей Югославии распространяется на преступления, совершенные только на территории этой республики и т. д.).

Таким образом, создание независимого Международного уголовного суда именно в качестве «надгосударственного» органа мы считаем и целесообразным, и необходимым шагом для всего мирового сообщества. При этом следует подчеркнуть, что, согласно ст. 1 Статута, МУС не заменяет, а дополняет «национальные системы уголовного правосудия» ⁴⁷. В частности, в случае совпадающей юрисдикции международных и национальных судов последние могут сами рассматривать дела о геноциде. Так, по делу Йоргич против Германии германский суд «не усмотрел в международном публичном праве препятствий для рассмотрения обвинений, в частности потому, что МТБЮ указал, что не намерен поддерживать обвинение против заявителя. Приговор суда был оставлен без изменения апелляционной инстанцией со ссылкой на принцип универсальной юрисдикции». ЕСПЧ также указал, что «п. 1 ст. 9 Устава МТБЮ подтверждает позицию германских судов относительно совпадающей юрисдикции МТБЮ и национальных судов без каких-либо ограничений в отношении судов отдельных стран» ⁴⁸.

Согласно ст. 5 Статута, юрисдикция МУС ограничивается следующими «самыми серьезными преступлениями, вызывающими озабоченность всего международного сообщества»:

- a) преступление геноцида;
- b) преступления против человечности;
- c) военные преступления;
- d) преступление агрессии.

МУС обладает юрисдикцией только в отношении преступлений, совершенных «после вступления в силу» данного Статута (ст. 11). Кроме того, юрисдикция МУС распространяется лишь на преступления, совершенные на территории государств – участников Статута, либо

совершенные гражданином государства – участника Статута. Однако из этих двух принципов (соответственно, «территориального» и «личного») имеются исключения:

– во-первых, Совет Безопасности ООН посредством резолюции, принятой согласно гл. VII Устава ООН, может передать в суд ту или иную ситуацию, затрагивающую преступления, которые не были совершены ни на территории государства-участника, ни гражданами государства-участника (так было, например, в отношении ситуации в суданской провинции Дарфур, переданной на рассмотрение в МУС, хотя сам Судан не являлся государством – участником МУС);

– во-вторых, в соответствии с п. 3 ст. 12 Статута, государство, не являющееся участником Статута, может посредством заявления, представленного секретарю суда, признать осуществление судом юрисдикции в отношении того или иного конкретного преступления.

МУС может принять дело к рассмотрению только в том случае, если государство, на территории которого совершено преступление или гражданином которого является преступник, не желает или фактически не может осуществить расследование и выдвинуть обвинение⁴⁹.

Международный трибунал по бывшей Югославии учрежден резолюцией 827 (1993) Совета Безопасности ООН от 25 мая 1993 г.⁵⁰ Трибунал, состоящий из двух судебных камер (палат) и апелляционной палаты, учрежден со следующими целями:

– привлечь к судебной ответственности лиц, предположительно виновных в нарушении международного гуманитарного права;

– установить справедливость по отношению к потерпевшим;

– предотвратить новые преступления;

– способствовать восстановлению мира путем содействия примирению в бывшей Югославии.

Следует сказать, что у ряда государств учреждение Советом Безопасности ООН трибунала вызвало дискуссии. В частности, был поставлен вопрос о том, имеет ли право Совет Безопасности учредить подобный трибунал в соответствии с гл. VII Устава ООН («Действия в отношении угрозы миру, нарушений мира и актов агрессии»). Однако согласно ст. 39 Устава ООН Совет Безопасности «определяет существование любой угрозы миру, любого нарушения мира или акта агрессии и делает рекомендации или решает о том, какие меры следует предпринять... для поддержания или восстановления международного мира и безопасности», в том числе учреждать международный трибунал, а согласно ст. 25 Устава ООН, члены ООН обязаны выполнять решения Совета Безопасности. В итоге последнему удалось снять все подозрения относительно законности учреждения трибунала для бывшей Югославии.

Кстати, с вопросом о своей легитимности МТБЮ столкнулся на первом же судебном процессе. В деле Прокурор против Таджича адвокат последнего подал ходатайство о том, что Трибунал не обладает юрисдикцией, чтобы судить Таджича, поскольку его учреждение путем принятия резолюции Совета Безопасности ООН является незаконным⁵¹. Однако и судебная палата, и апелляционная палата МТБЮ подтвердили законность создания трибунала, основываясь на полномочиях, предоставленных Совету Безопасности в соответствии с гл. VII Устава ООН. Кроме того, созданный государственным министром и министром иностранных дел Франции (1993 г.) Комитет французских юристов также пришел к выводу о законности создания МТБЮ, однако с условием, что полномочия трибунала будут «ограничены в целях, для достижения которых он создан... восстановления мира и безопасности»⁵². Представляется, что в случае с созданием МТБЮ упомянутые цели достигнуты: деятельность трибунала строго ограничивается определенными территориальными и временными рамками.

Юрисдикция международного трибунала распространяется только на физических лиц и только на те серьезные нарушения международного гуманитарного права, которые совершены на территории бывшей Югославии (кроме Словении) в 1991–2001 гг.

К юрисдикции международного трибунала, согласно его уставу, относятся также дела о преступлении геноцида. При этом устав (ст. 4) содержит определение геноцида, аналогичное определению, предлагаемому Конвенцией 1948 г. В уставе объявлены наказуемыми, так же, как и в Конвенции, геноцид, заговор с целью совершения геноцида, прямое и публичное подстрекательство к совершению геноцида, покушение на совершение геноцида, соучастие в геноциде.

Юрисдикция международного трибунала «имеет приоритет по отношению к юрисдикции национальных судов» (ст. 9 устава). Однако при определении сроков тюремного заключения, а это единственный вид наказания, который может назначаться судебной камерой трибунала, последняя руководствуется «общей практикой вынесения приговоров о тюремном заключении в судах бывшей Югославии» (ст. 24 устава). Кроме того, при вынесении приговоров судебные камеры учитывают такие факторы, как «тяжесть преступления и конкретные обстоятельства, касающиеся личности подсудимого».

Местонахождение Международного трибунала по бывшей Югославии – город Гаага (Нидерланды).

По состоянию на 15 ноября 2014 г. обвинения в серьезных нарушениях международного гуманитарного права на территории бывшей Югославии трибуналом предъявлены 161 человеку⁵³. Эти обвинения касаются преступлений, совершенных с 1991 по 2001 г. против представителей разных этнических групп в Хорватии, Боснии и Герцеговине, Сербии, Косово и бывшей Югославской Республике Македонии. Всего за время существования трибунала было проведено 142 судебных процесса. Окончательно рассмотрены дела в отношении 126 обвиняемых. Из них 13 человек оправданы, 26 осуждены и переданы для исполнения наказания, 35 осуждены и в настоящий момент отбывают наказание, а 3 осужденных умерли во время отбывания наказания в местах лишения свободы. Дела 13 обвиняемых переданы для рассмотрения национальным судам государств бывшей Югославии в соответствии с правилом 11-бис Правил процедуры и доказывания МТБЮ.

Среди наиболее известных дел, рассмотренных трибуналом:

– дело по обвинению Р. Караджича «в геноциде, истреблении, убийстве, преследовании, депортации, бесчеловечных актах, актах насилия, основной целью которых являлось терроризирование гражданского населения, незаконных нападениях на гражданское население, взятии заложников» (дело № IT-95-5/18);

– дело по обвинению Р. Младича «в геноциде, преследовании, истреблении, убийстве, высылке, бесчеловечных действиях, терроре, незаконных нападениях, взятии заложников» (дело № IT – 09–92).

Р. Караджич занимал должность президента тройственного Президиума Республики Босния и Герцеговина (позднее – Республика Сербская (РС)) с момента ее основания 12 мая 1992 г. до 17 декабря 1992 г., а в дальнейшем – единственного Президента Республики Сербская и Верховного главнокомандующего ее Вооруженными силами, он «совершал в соучастии с иными лицами геноцид части национальных, этнических и (или) религиозных групп боснийских мусульман и боснийских хорватов как таковых в форме исполнения, планирования, подстрекательства (англ.: instigating), приказа и (или) пособничества и подстрекательства (англ.: aiding and abetting)». В обвинительном акте утверждается, что по крайней мере с октября 1991 г. до 30 ноября 1995 г. Р. Караджич участвовал в доминирующем объединенном преступном предприятии (далее – ОПП), «имевшем цель окончательного удаления боснийско-мусульманского и боснийско-хорватского населения с территорий Боснии и Герцеговины (далее – БиГ), провозглашенных боснийско-сербскими территориями, средствами, включающими совершение преступлений, перечисленных в обвинительном акте». Р. Караджич обвиняется в том, что он разделял намерение в совершении каждого из этих преступлений с остальными участниками ОПП. «Начиная с дней, непосредственно предшествующих воплощению плана по уничтожению боснийских мусульман в Сребренице 11 июля 1995 г., и вплоть до 1

ноября 1995 г. Караджич принимал участие в ОПП по уничтожению боснийских мусульман Сребреницы через убийство мужчин и мальчиков и насильственного перемещения женщин, маленьких детей и некоторого количества пожилых мужчин с этой территории».

Р. Младич – командующий Главным штабом боснийской сербской армии (VRS) с 12 мая 1992 г. (он занимал эту должность по крайней мере до 8 ноября 1996 г.). Обвинительный акт вменяет обвиняемому следующее: между 12 мая 1992 г. и 30 ноября 1995 г. Р. Младич являлся членом объединенного преступного предприятия, имеющего «цель окончательного удаления боснийско-мусульманского и боснийско-хорватского населения с территорий Боснии и Герцеговины, провозглашенных боснийско-сербскими территориями». Младич действовал совместно с другими членами данного ОПП, каждый из которых «действиями и упущениями» внес вклад в достижение их общей цели. «Кроме того, начиная с дней, непосредственно предшествующих 11 июля 1995 г., когда был утвержден план уничтожения боснийских мусульман Сребреницы, и вплоть до 1 ноября 1995 г. Младич принимал участие в объединенном преступном предприятии по уничтожению боснийских мусульман Сребреницы через убийство мужчин и мальчиков и насильственного перемещения женщин, маленьких детей и некоторого количества пожилых мужчин с этой территории». В данном обвинительном акте утверждается, что в дополнение к своей ответственности, связанной с участием в вышеназванных объединенных преступных предприятиях, Р. Младич несет индивидуальную уголовную ответственность за планирование, подстрекательство, приказ и (или) пособничество и подстрекательство при совершении преступлений, перечисленных в обвинительном акте. Как командующий Главного штаба, Р. Младич являлся самым старшим офицером Войска Республики Сербская (VRS). Имея данные полномочия, Р. Младич являлся вышестоящим должностным лицом и осуществлял эффективный контроль над личным составом Войска Республики Сербская и подразделениями, интегрированными в сербские силы или подчиненные VRS, которые принимали участие в преступлениях, перечисленных в обвинительном акте. Р. Младич «знал или имел основание знать, что преступления эти могли бы быть совершены или действительно были совершены» представителями личного состава VRS и (или) частями сербских сил, находящихся под его эффективным контролем, и что он «отказался предпринять необходимые и разумные меры для предотвращения этих преступлений и (или) наказания лиц, совершивших эти преступления».

Приговор по делу Р. Караджича ожидается в октябре 2015 г., а по делу Р. Младича – в марте 2017 г. Международный уголовный трибунал по Руанде учрежден в соответствии с резолюцией 955 (1994) Совета безопасности ООН от 8 ноября 1994 г.⁵⁴ Целью учреждения трибунала является судебное преследование лиц, «ответственных за геноцид и другие серьезные нарушения международного гуманитарного права, совершенные на территории Руанды, и граждан Руанды, ответственных за геноцид и другие нарушения, совершенные на территории соседних государств, в период с 1 января 1994 г. по 31 декабря 1994 г.»⁵⁵.

Устав трибунала (ст. 2) предоставляет полномочие осуществлять судебное преследование лиц, «совершающих геноцид». Данный документ также содержит определение геноцида, тождественное определению, имеющемуся в Конвенции 1948 г. Согласно ст. 7 устава трибунала, территориальная юрисдикция международного трибунала «распространяется на территорию Руанды, включая ее сухопутную территорию и воздушное пространство, а также на территорию соседних государств в отношении серьезных нарушений международного гуманитарного права, совершенных гражданами Руанды». Временная юрисдикция Международного трибунала по Руанде распространяется «на период, начинающийся 1 января 1994 г. и заканчивающийся 31 декабря 1994 г.».

Юрисдикция Международного трибунала по Руанде «имеет приоритет по отношению к юрисдикции национальных судов всех государств» (ст. 8 Устава трибунала). Здесь также при определении сроков тюремного заключения судебные камеры трибунала «руководству-

ются общей практикой вынесения приговоров о тюремном заключении в судах Руанды» (ст. 23 устава).

Местопребывание Международного трибунала по Руанде – город Аруша (Танзания).

18 декабря 2008 г. трибунал приговорил к пожизненному заключению бывшего полковника руандийской армии Т. Багосору за разработку и осуществление плана геноцида этнического меньшинства тутси, а также за организацию ополчения «Интерхамве» – с особенной жестокостью свирепствовавшей военизированной группировки хуту. «Багасора занимал высший пост в министерстве обороны и держал под своим контролем армию и жандармерию в период между 6 и 9 апреля. На нем лично лежит ответственность за убийство премьер-министра, четырех оппозиционных политиков, десяти бельгийских миротворцев, а также за организацию массовых убийств», – говорится в постановлении суда⁵⁶.

17 мая 2011 г. бывший генерал вооруженных сил Руанды О. Бизимунгу был приговорен к 30 годам тюрьмы за участие в геноциде. Он отдавал приказы солдатам убивать тутси и умеренных хуту, готовил ополченцев из числа хуту для расправ над тутси⁵⁷.

20 декабря 2012 г. Международный трибунал по Руанде приговорил бывшего руандийского министра планирования О. Нгирабатваре к 35 годам тюрьмы по обвинению в геноциде против народности тутси, а также в прямом и публичном подстрекательстве к совершению геноцида⁵⁸.

За время своей работы трибунал впервые признал виновными лиц, совершивших изнасилования, в преступлениях против человечности и геноциде, что явилось существенным шагом в развитии международного прецедентного права. Вынося в 1998 г. вердикт по делу Ж. П. Акайезу, трибунал посчитал, что систематические изнасилования женщин народности тутси в провинции Таба составляют акт геноцида, «причиняющий серьезные физические или психические повреждения членам группы»⁵⁹. Таким образом, в настоящее время при наличии соответствующей субъективной стороны и контекстуальных обстоятельств преступления против половой неприкосновенности личности могут быть квалифицированы как форма совершения того или иного международного преступления, включая геноцид.

Трибунал также рассмотрел дела владельцев СМИ и журналистов, обвиняемых в использовании средств массовой информации для подстрекательства к геноциду. Считается установленным, что ужасающий масштаб геноцида стал возможен благодаря вещанию «Радио и телевидения тысячи холмов» и изданию таких газет, как «Кангура».

Радиоведущий, бельгиец Ж. Руджу, в 2000 г. был приговорен к 12 годам тюрьмы за подстрекательство к массовым убийствам⁶⁰. После крушения самолета Президента государства радио возложило вину на бельгийский миротворческий контингент. 7 апреля в эфире прозвучали прямые указания населению убивать тутси. Следует отметить, что в новостных сообщениях журналисты сознательно вместо слова «тутси» использовали слово «тараканы». После наступления повстанцев радио перебазировалось в Заир. Его основатель и директор Ф. Нахимана был арестован и осужден трибуналом к пожизненному лишению свободы.

Среди публикаций газеты «Кангура» особую известность получил манифест «Десять заповедей хуту», разжигавший вражду между тутси и хуту. Редактор газеты Х. Нгезе также был приговорен трибуналом к пожизненному заключению.

В целом официальное обвинение в серьезных нарушениях международного гуманитарного права (в геноциде, преступлениях против человечности и военных преступлениях) предъявлено 93 лицам. 61 лицо признано виновным и осуждено к различным срокам тюремного заключения (включая лицо, осужденное на 9 мес. тюрьмы за дачу ложных показаний). 14 человек оправданы и освобождены, а дела в отношении 10 человек переданы для рассмотрения в национальные суды (в том числе в суды Франции). 3 подозреваемых скончались до вынесения

приговора, а дела в отношении двух лиц прекращены до суда ввиду недостаточности доказательств. Наконец, еще 3 человека объявлены в розыск.

В настоящее время трибунал близок к выполнению своей миссии и функционирует в соответствии со стратегией завершения его работы, одобренной Советом Безопасности ООН в резолюции 1503 (2003).

Следует подчеркнуть, что для решения вопросов, связанных с огромным количеством лиц (а к 2000 г. суда ожидали свыше 100 тыс. подозреваемых в преступлении геноцида), правовое реагирование было обеспечено на трех уровнях:

- Международный уголовный трибунал по Руанде;
- национальная судебная система Руанды;
- традиционные общинные суды «гачача».

Трибунал рассматривает дела только лиц, в наибольшей степени ответственных за планирование, организацию и совершение геноцида, а суды общей юрисдикции, действующие в рамках национального уголовного права, рассматривают дела тех, кто принимал участие в планировании геноцида или в изнасилованиях. Эти суды, в отличие от судов «гачача», не применяют практику временного освобождения обвиняемых в преступлении геноцида. К середине 2006 г. национальные суды рассмотрели около 10 тыс. дел подозреваемых в геноциде⁶¹.

Кроме МУС и двух международных трибуналов, полномочиями по рассмотрению дел о преступлении геноцида международное сообщество наделило также Чрезвычайные палаты в судах Камбоджи и Специальный суд по Сьерра-Леоне⁶².

Закон об учреждении Чрезвычайных палат в судах Камбоджи для рассмотрения преступлений, совершенных в период существования Демократической Кампучии, был принят парламентом Камбоджи 2 января 2001 г. и утвержден Договором между ООН и Королевским правительством Камбоджи 6 июня 2003 г.⁶³.

13 мая 2003 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла резолюцию 57/228b «Судебные процессы над красными кхмерами», в которой содержался проект Соглашения между ООН и Правительством Камбоджи о преследовании в соответствии с камбоджийским правом за преступления, совершенные в период существования Демократической Кампучии. Соглашение было заключено 6 июня 2003 г., ратифицировано Законом Камбоджи от 17 октября 2004 г, после чего 27 октября 2004 г. в Закон об учреждении Чрезвычайных палат были внесены соответствующие изменения.

По своей правовой природе чрезвычайные палаты являются гибридным национально-международным уголовным судом, созданным на основании соглашения между ООН и Правительством Камбоджи. Цель их учреждения – привлечение к суду высокопоставленных руководителей Демократической Кампучии и тех, кто несет наибольшую ответственность за преступления и серьезные нарушения камбоджийского уголовного права, международного гуманитарного права и обычаев, а также международных конвенций, признанных Камбоджей, которые были совершены в период с 17 апреля 1975 г. по 6 января 1979 г. Чрезвычайные палаты обладают следующими видами юрисдикции:

- предметной;
- персональной;
- временной;
- территориальной.

В соответствии с гл. II Закона об учреждении чрезвычайных палат, к предметной юрисдикции чрезвычайных палат относится, в частности, «преступление геноцида, как оно определено в Конвенции 1948 г. о предупреждении преступления геноцида и наказании за него»⁶⁴. Чрезвычайные палаты полномочны рассматривать:

- преступления, совершенные высокопоставленными руководителями Демократической Кампучии и теми лицами, которые несут наибольшую ответственность за преступления;
- преступления, совершенные в период с 17 апреля 1975 г. по 6 января 1979 г.;
- преступления, совершенные на территории Камбоджи.

Обвинения в геноциде (а также в преступлениях против человечности, серьезных нарушениях Женевских конвенций 1949 г.) были предъявлены следующим бывшим руководителям Демократической Кампучии:

- Нуон Чеа, 84 года, бывший заместитель секретаря Коммунистической партии Кампучии;
- Иенг Сари, 85 лет, бывший заместитель премьер-министра по иностранным делам Демократической Кампучии;
- Кью Сампан, 79 лет, бывший глава государства Демократической Кампучии;
- Иенг Тирит, 78 лет, бывший министр социального обеспечения Демократической Кампучии.

Преступления были предположительно совершены в 1970-х гг., когда возглавляемая рядом лиц, в том числе обвиняемыми, Коммунистическая партия Кампучии (КПК) захватила власть в Кхмерской Республике (ныне Королевство Камбоджа). Режим КПК широко известен как режим красных кхмеров.

Согласно предъявленному обвинению, «превращение в объект нападения особых групп людей, в частности представителей народности чам, вьетнамцев, буддистов и бывших чиновников Кхмерской Республики, включая как гражданских, так и военных чиновников и членов их семей», включало или влекло:

- геноцид через убийство (преступление предусмотрено ст. 4, 29 и 39 Закона о чрезвычайных палатах);
- преступления против человечности (предусмотрены ст. 5, 29 и 39 Закона о чрезвычайных палатах), в частности убийство, истребление, порабощение, заключение в тюрьму, пытки, преследование по расовым мотивам, преследование по религиозным мотивам, другие бесчеловечные акты (насильственные исчезновения);
- серьезные нарушения Женевских конвенций от 12 августа 1949 г. (наказуемые в соответствии со ст. 6, 29 и 39 Закона о чрезвычайных палатах), в частности намеренное убийство.

Следственные судьи установили, что одной из целей превращения данных групп в объект нападения было «установление атеистического и гомогенного общества без классового разделения, в котором отсутствуют этнические, религиозные, расовые, классовые и культурные различия». Членов таких групп относили к особым классам, которые должны были уничтожаться. Общество официально было объявлено на 99 % кхмерским.

Другой целью было уничтожение «врагов» и уничтожение определенных групп полностью или частично. Без справедливого судебного разбирательства во время эвакуации из городов были казнены высшие чиновники бывшей Кхмерской Республики. Как следует из документов КПК, «решение было принято с целью помешать им вернуться к власти»⁶⁵.

Как далее установили следственные судьи, во время эвакуации из городов были казнены старшие буддистские монахи. Остальные монахи и монахини были лишены священных облачений, многим, кто не желал отречься от веры, угрожали расправой или казнили. Фактически все религии были запрещены, а их приверженцы признаны «вредными элементами» или «врагами».

Представители исповедующей ислам народности чам подвергались насильственному перемещению, в ходе которого переселялись целые деревни. Как показывают документы КПК, представителей чам намеренно разделяли, «смешивая» их с кхмерским населением. Старейшины, религиозные лидеры и представители народности чам, которые выражали протест или продолжали практиковать свою религию, были казнены или заключены в тюрьмы. КПК также

наложила запрет на культуру, язык и этническую одежду чам. Кроме того, в 1977 и 1978 гг. проводились массовые казни представителей народности чам, которые были признаны «врагами революции».

Вьетнамское население до окончательного прихода КПК к власти депортировалось во Вьетнам. С 1977 г. партия открыто призывала всех граждан к убийству вьетнамцев, которые выявлялись по всей территории страны. Следственные судьи установили несколько эпизодов массовых казней вьетнамского населения. Казнили в том числе детей, если они были рождены вьетнамской женщиной⁶⁶.

Дела в отношении бывших кампучийских лидеров в настоящее время находятся или в стадии предварительного следствия, или только начались слушания по существу (14 марта 2013 г. один из обвиняемых, И. Сари, скончался, не дождавшись приговора суда, дело в отношении него прекращено⁶⁷). При этом с начала деятельности чрезвычайных палат только четыре человека из числа бывших деятелей – красных кхмеров были обвинены судом в геноциде, преступлениях против человечности и военных преступлениях. Из них двое (Н. Чеа и К. Сампан) 2 августа 2014 г. были признаны виновными и приговорены к пожизненному заключению.

В целом приведенная практика вышеназванных трибуналов (судов) подтверждает то важное место, которое в деятельности ООН занимает предупреждение преступления геноцида. Однако в ООН предпринимаются и другие меры. Так, в 2004 г. в связи с разгулом насилия, приобретшего характер геноцида в Руанде и бывшей Югославии, генеральный секретарь ООН ввела должность специального советника по предупреждению геноцида (с 2007 г. – специального представителя по предупреждению геноцида и массовых зверств). В письме генерального секретаря ООН на имя председателя Совета безопасности ООН от 12 июля 2004 г. были перечислены следующие полномочия специального советника:

«а) собирать имеющуюся, в частности, в системе Организации Объединенных Наций информацию о массовых и серьезных нарушениях прав человека и международного гуманитарного права, имеющих этническую и расовую природу, которые, если они не будут предотвращены или пресечены, могли бы привести к геноциду;

б) выполнять функции раннего предупреждения генерального секретаря и через него – Совета безопасности путем привлечения их внимания к возможным ситуациям, которые могли бы привести к геноциду;

в) выносить рекомендации Совету безопасности через генерального секретаря в отношении мер, необходимых для предупреждения или пресечения геноцида;

д) поддерживать связи с системой Организации Объединенных Наций в отношении мер по предупреждению геноцида и работать над укреплением потенциала Организации Объединенных Наций в области анализа и управления информацией, касающейся геноцида или связанных с ним преступлений».

«Применяемая методология, – говорилось в письме, – будет включать в себя тщательную проверку фактов и проведение серьезного политического анализа и консультаций без излишней огласки. Это помогло бы генеральному секретарю определить шаги, необходимые для того, чтобы не допустить перерастания существующих ситуаций в геноцид. Специальный советник не будет определять, имел ли место геноцид по смыслу Конвенции. Его деятельность по своей цели носила бы скорее практический характер и предназначалась бы для того, чтобы дать Организации Объединенных Наций возможность действовать своевременно».

Немаловажно также то, что канцелярия специального советника генерального секретаря ООН по предупреждению геноцида подготовила документ под названием «Основы для проведения анализа»⁶⁸, содержащий следующие восемь категорий факторов, которые используются для определения наличия угрозы геноцида:

- «1. Отношения между группами, включая исторические сведения о дискриминации и (или) других нарушениях прав человека, совершенных в отношении той или иной группы.
2. Обстоятельства, влияющие на возможности предупреждения геноцида.
3. Наличие незаконных вооружений и присутствие незаконных вооруженных элементов.
4. Мотивировка основных сторон в государстве (регионе); действия, способствующие разобщению между национальными, расовыми, этническими и религиозными группами.
5. Обстоятельства, способствующие совершению геноцида (динамические факторы).
6. Акты геноцида.
7. Свидетельства намерения «полного или частичного уничтожения...».
8. Провоцирующие факторы».

Каждый из этих факторов сам по себе не может служить основой для вывода о наличии угрозы геноцида. Решающую роль играет совокупное воздействие указанных факторов. Лишь в тех случаях, когда принимаются эффективные меры для устранения этих факторов, когда они перестают существовать или теряют свою значимость, по мнению авторов анализируемого документа, угроза геноцида снижается.

В ООН обсуждается также важный вопрос о наделении Конвенции по геноциду «формальным механизмом мониторинга, известным как «договорный орган», который отслеживал бы выполнение ее положений и предоставлял бы странам-участницам рекомендации по превентивным и исправительным действиям». Однако отдельные страны выступают против этого предложения, «ссылаясь на то, что оно, возможно, будет дублировать функции специального советника, а также Международного уголовного суда – ключевого органа, связанного с геноцидом, преступлениями против человечности и военными преступлениями»⁶⁹.

Наряду с этим, по нашему мнению, представляется необходимым установление со стороны ООН для государств, подписавших Конвенцию 1948 г. и Римский статут МУС, ряда обязательств, направленных на предупреждение совершения преступления геноцида. Среди них – установление в национальном законодательстве самостоятельной уголовной ответственности за пропаганду преступления геноцида⁷⁰.

ВЫВОДЫ

1. Введение мировым сообществом юридической ответственности за преступление геноцида, согласно позиции ООН, стало «прямым следствием предпринятой попытки истребления евреев и представителей других национальностей в период Холокоста».

2. Согласно Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него 1948 г., для того, чтобы действие было квалифицировано как геноцид, необходимо установление следующих признаков:

– потерпевший – член группы населения, идентифицированной как национальная, этническая, расовая или религиозная группа;

– действия (убийство; причинение серьезных телесных повреждений или умственного расстройства; умышленное создание таких жизненных условий, которые рассчитаны на полное или частичное физическое уничтожение; принятие мер, рассчитанных на предотвращение деторождения; насильственная передача детей) в отношении вышеназванной группы населения;

– намерение (умысел) – уничтожить, полностью или частично, вышеназванную группу;

– виновный – лицо, достигшее 18 лет на момент совершения преступления геноцида.

3. В целом Конвенция 1948 г. содержит более узкое определение преступления геноцида, чем предлагал автор самого термина «геноцид» Р. Лемкин, в частности из него было исключено «культурный геноцид», или «этноцид». Однако необходимости в его расширении не имеется (что не исключает возможности расширения перечня иных преступлений против человечности, в том числе путем отнесения к ним «этноцида» или «политицида»). Геноцид и впрямь

следует определять как преступление исключительно против национальной, этнической, религиозной или расовой группы.

4. Субъектом преступления геноцида могут быть только физические лица, однако на государства возлагается ответственность за непринятие мер по недопущению и предотвращению преступления геноцида. В этой связи особого внимания заслуживает национальное уголовное законодательство государств об ответственности за совершение преступления геноцида, поскольку как само установление подобной ответственности, так и практическое применение соответствующих уголовно-правовых норм являются важным фактором при оценке деятельности государств по предотвращению и недопущению преступления геноцида.

5. Судами, правомочными рассматривать дела о преступлении геноцида являются национальные суды, Международный суд и Международный уголовный суд. Еще одним судом, правомочным рассматривать дела о геноциде, можно считать Европейский суд по правам человека, куда обращаются лица, оспаривающие решения национальных судов. Однако события последних десятилетий вынудили мировое сообщество создать еще один вид судов (не предусмотренных Конвенцией 1948 г.), которым были подсудны дела о преступлении геноцида. Речь идет о специальных международных трибуналах по бывшей Югославии и Руанде.

Из всех перечисленных судов именно Международный уголовный суд, созданный в соответствии с нормами Римского статута (1998 г.), мы считаем наиболее важным звеном в международной уголовной юстиции. При этом необходимо отметить, что он не заменяет, а дополняет национальные системы уголовного правосудия.

6. Решения международных трибуналов создают важные прецеденты в практике применения норм о преступлении геноцида. Так, по делу Ж. П. Акайезу трибунал по Руанде (1998 г.) решил, что систематические изнасилования женщин составляют акт геноцида, «причиняющий серьезные физические или психические повреждения членам группы».

Этот же трибунал, рассмотрев дела ряда владельцев СМИ и журналистов, установил, что ужасающий масштаб геноцида стал возможен благодаря использованию средств массовой информации. Назначенные виновным в подстрекательстве к геноциду наказания (включая пожизненное лишение свободы) оказались столь же суровыми, что и наказания для лиц, осужденных за совершение геноцида.

Документы международных трибуналов свидетельствуют также о том, что степень опасности подстрекательства к совершению геноцида и масштабы самого геноцида увеличиваются, когда субъектами данного преступления выступают лица, наделенные властными полномочиями.

7. В целом следует признать, что в деятельности ООН предупреждение преступления геноцида занимает важное место. Этому служит и приведенная практика международных трибуналов (судов). Однако ООН предпринимает и иные меры. Так, в 2004 г. в связи с разгулом насилия, приобретшего характер геноцида в Руанде и бывшей Югославии генеральный секретарь ООН ввел должность специального советника по предупреждению геноцида (с 2007 г. – специального представителя по предупреждению геноцида и массовых зверств).

Наряду с этим, по нашему мнению, представляется необходимым установление со стороны ООН для государств, подписавших Конвенцию 1948 г. и Римский статут Международного уголовного суда, ряда обязательств, направленных на предупреждение совершения преступления геноцида. Среди них – установление в национальном законодательстве самостоятельной уголовной ответственности за пропаганду преступления геноцида.

§ 2. Преступление геноцида в уголовном праве отдельных государств

Согласно ст. V Конвенции 1948 г., для введения в силу ее положений, «договаривающиеся стороны обязуются провести необходимое законодательство, каждая в соответствии со своей конституционной процедурой, и, в частности, предусмотреть эффективные меры наказания лиц, виновных в совершении геноцида». Имплементация норм Конвенции в национальном (внутреннем) уголовном законодательстве государств – участников Конвенции 1948 г. происходит по-разному. Полагаем, что можно говорить о следующих группах государств, предусмотревших в своем законодательстве ответственность за преступление геноцида.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.